

Тшверскому ебвдгичеио
 „История“ мекано зохгал мидри
 и вомешейк уибешов, Прудя по уине,
 свешовей гмид вилереди и зобуек
 вилереди.

В. Анн

ЛОЩИНА ГОЛУБОГО ТУМАНА

Продолжение, начало в №38, 39, 43

Старик помычал что-то себе под нос, опасливо поозирался и заговорил шепотом:

- Хошь верь, хошь не верь, Дарьюшка. Тута водка тута вовсе ни причем — правду говорю. Попомнишь ли на Петровом поле лошшину? Конечно, помнишь - не запамятовала. На том поле раньше пшаницу сеяли, а в лошшине колхоз сено косил. Таперича все там заросло. А ель большая как стояла, так и стоит. Направился я туда кобылу с жеребушкой разыскивать, а тут страшная гроза грянула. Вот я под эту елку от дождя и подмырнул. Пока переждал грозу, правда, принял маненько на грудь (заначка у меня была), да и придремал. А ковды глаза продрали, от своих лошадок увидел. Правда, не ясно, но видел. И вдруг в лошшине голубой туман объявился, и девка энта вся голубая с длиннушкой косою в ем. Она возьми и пужани своей косою как кнутом мою лошададку. А после хохоchet и хохоchet, аж мурашки у меня по телу забегали. А опосля посоветовала убираться оттедова: мол, не табя жду, не к тебе пришла. Тута уж не помню, чо дале было. И какдо дому дотянул, тожа не помню. В башке моей до сих пор гудеж стоит. Во как...

- Надо жа! Нада жа такому диву приключиться! — всплеснула руками старуха. — А моет это, все жа, Шлапуниха была? Она, сказывают, во всякого моет превращатся.

- Причем тут Шлапуниха! — заерзал на лавке старик. — Ее и рядом не было, Шлапунихи энтот. Говорю: девка была - молодая, красивая, язви ее. И вся голуба. И туман округ голубой. Во как!

Так оба и просидели во дворе на лавке до темноты, пока за воротами не раздалось утробное мычание коровы.

- Не приведи, Господи! — вдруг встрепенулась старуха, поживаясь. — Ты ба, Евсейшка, подмог мне коровенку-то загнать. А то как-то не по сабе стало. Боязно...

- Как не подмочь - конечно, подмогну, - с готовностью откликнулся старик. — Только дай каку суху лопатину.

Дарья быстро принесла мужу рубаху, штаны и, читая молитву, подалась к воротам, где уже без остановки мычала ее «сдрешная» корова.

На деревню надвигалась ночь. На небе кое-где уже проклюнулись звезды. Молочный непроглядный туман пуховым одеялом лежал над огородами, над поскотиной. Когда старуха несмело, с опаской распахнула калитку, чтобы быстрее запустить корову, то окаменела и онемела сразу. На ее глазах туман из молочного превращался в голубой. И из этого тумана ей навстречу шла девушка с длинной косою. Вот она уже рядом. Дарья бежать хочется, а ноги не несут. От страха, кажется ей, что глаза сейчас из орбит повилазят...

- Отдышался старик-то твой, Дарья? - весело спросила девушка, играя косою, и сама же ответила. — Знаю, отдышался... Поживет еще!

Сказала так и на глазах исчезла в голубом беспроекторном тумане. Старуха как стояла, так и упала у ворот. Очнулась лишь тогда, когда старик ее бесчувственную отлил водой.

По случаю внезапной ревизии в деревне Барки сельмаг был надолго закрыт. Ходили слухи, что слишком расторопный завмаг сделал большую растрату и теперь его отдают под суд. Хлеб стали отпускаться сельчанам прямо в пекарне, и поэтому там рано утром собиралось много народа. Сюда шли в основном женщины. Туда, в пекарню, стекались и последние деревенские новости. Гуртились бабы, обсуждая и осуждая нерадивых. А перемыв косточки кому надо, к обеду неохотно расходились по домам.

Вот как-то утром объявилась в пекарне и сникшая Дарья. Она пристальным взглядом подозрительно долго всматривалась в лица баб и не найдя в них особых перемен (ни одна подличность голубой красавицы не подходила), молчком взяла из рук продавщицы хлеб и тенью подалась к выходу.

- А кто же рассчитываться будет? — крикнула ей вслед бойкая продавщица Анна.

- Ой, батюшки, запамятовала! — всполошилась Дарья. — Я, ить, милья, денежки-то вовсе дома забыла.

- Что это с тобой делалось, бабушка Дарья. На тебе лица нет, - сочув-

ственно спросила Анна.

- Ой, милья, вовсе я головой тронулась с энтим привиденьем, - проговорила старуха, боязливо озираясь.

- И вправду, Дарью-то не узнать, - наперебой затараторили бабы. — Мож, захворала?

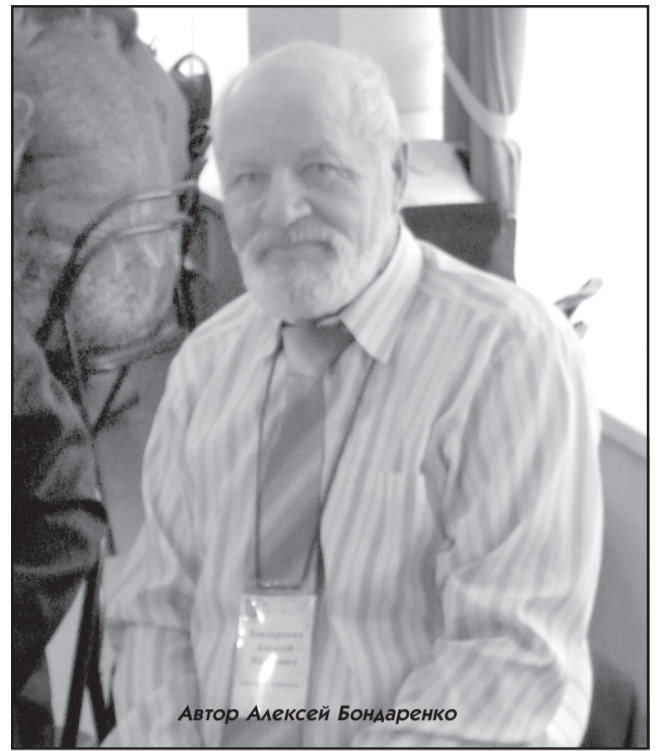
- Да кака там хворь, бабоньки! Не хворь, а привиденье замучило, - слабо отмахнулась старуха.

ха. — Не приведи Господи тако каждому. Вона на старика мово порчу напустило. И я чуть не рехнулась, ковды увидела энту кляту девку. Ить страсть кака-то! Сколь живу, не видывала такого. Старика моего испужала в лошшине, ковды он кобылу свою ходил искать, и ко мне явилась, окаянна.

- Что за девка? — всполошились бабы. — Может показалось чего в сумерки?

- Како показалось! Вот те крест: наяву видела! - перекрестилась Дарья. — Как вас чичас вижу, милья... И вправду сумеречь была, была сумеречь. Но не така уж, чтоба ничо не видать. Видела, видела девку. Нарисовалась энта девка передо мной и хохоchet, и хохоchet без удержу. Да ишшо об Евсее пытал: мол, оклемался ли? Поначалу я яму не поверила - думала, нахлебался внове, да и померешшилось. А как порасска-а-а-зал, бабы, да ишшо сама увидела у своих ворот, так и разуменье потеряла. А она, ить, девка-то, вся голуба — вот как твой шарф, Аннушка. А Евсей-то мой ее видел в лошшине на Петровом поле. Помни-те, где елка огромная стоит. Мы ишшо подле ней столы ставили в войну, ковды вручную жали.

- Ты часом не сочиняешь

Автор Алексей Бондаренко

ли это, бабка Дарья? — на-кинулась Анна на старуху.

- Вы со стариком своим ужасами всю деревню сног на голову поставите! Теперь и с работы домой страшно идти будет. Не дай Бог, явится это привиденье!

- А ты провожатого возьми, - со смехом подсказала появившаяся в пекарне бабушка Шлапуниха. — Вона, Колька-то Марьин ни одной ишшо бабе не отказал. Смотришь, и сговоритесь с Миколкой-то. Чем не пара! А то все одна да одна. Скоко можно одной-то нужу мыкать?

Дарья, увидев знахарку, даже дар речи потеряла на миг.

- Это она! Это она, ведьма, напустила на нас хворобу, - задыхнулась от злости Дарья, и, выкатив глаза, грозно кинулась на Шлапуниху.

- Ты чо, сдрешная! В своем ли уме? — отмахнулась от нее знахарка. — Была нужа напускать на вас, слабоумных, хворобу! Да ты вместе с твоим Евсеем отродясь умишком-то не блещите.

Оскорбленная Дарья,

подхватив буханку хлеба подмышку, ринулась к двери. За порогом остановилась и погрозила скрюченным пальцем.

- Ну, ты ужко налязгашь своим поганым языком, налязгашь! И на табя, ведьму, управу найду - мне ба тока до города добратся!

- Иди, иди, угроза сухопарая! — засмеялась ей вслед Шлапуниха.

Дарью из пекарни как ветром сдуло. Бабы загалдели, заговорили, высказывая свои домыслы и догадки объявившемуся в лошшине чуду. Одна Лизавета молчала.

«Нет, не пригрязилась мне во сне та голубая женщина в моей избенке, - думала Лизаветка. — Она в самом деле о дочери своей заикалась. Видать, старик Евсей и впрямь видел в лошшине голубую девушку. Знать, пришло время. Знать, надобно Марку на Петрово поле, к елке идти...».

Купив хлеба, Елизаветка поспешила домой.

Шла она по деревенской улице, не видя и не слыша ничего вокруг. От предчувствия, что скоро должно случиться что-то необыкновенное, невиданное, сердце ее сильно колотилось. Когда Лизаветка, будто на крыльях, влетела в свою избенку, то сына не увидела. Она кинулась к его кровати, заглянула на кухню, но и там Марка не было. Тогда она опрометью выскочив во двор, громко крикнула:

- Маркуша! Сынок! Где ты? Отзовись, ненаглядный...

Теперь сердце Лизаветки заходило уже от страха: где он, что с ним? Закрыв глаза, обхватив голову руками, она зарыдала, и в изнеможении опускалась на крыльцо.

- Мама, я здесь, - наконец раздался слабый голос сына.

Он как-то боком, превозмогая боль, скособоившись, тенью двигался по ограде.

Продолжение следует
 Алексей БОНДАРЕНКО,
 г. Енисейск

